

443-я ЗОНА

ВЛАДИМИР
ТОМАШОВ

Владимир Томашов

43-я зона

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Томашов В.

43-я зона / В. Томашов — "Мультимедийное издательство Стрельбицкого",

Мир изменился. Редкое космическое явление вводит землю в хаос. «Нулевая полоса» - крошечная тьма уничтожает современную цивилизацию. Остатки выживших пытаются осваиваться в зонах. Наружу никто не выходит... Читайте «43-ю зону», ощутите себя на руинах будущего, руинах полных опасностей.

© Томашов В.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Томашов

43-я зона

Это было хорошее время. Ты едешь в машине, из радио льется старое доброе ретро, под которое твои родители стоптали не одну пару модной обуви. На улице сыро, серо и зябко. Все куда-то спешат, а ты включаешь печку, подъезжаешь к закусочной типа Макдональдс и заказываешь себе крепкий, горячий кофе с картошечкой фри. Еще можно сырный бургер, если не слишком бьет по карману. Потом пристраиваешь где-нибудь свою железную карету, устраиваешься поудобней и спокойно, с аппетитом ешь. Снаружи суматоха и не уют, а ты закрываешься в своем мобильном кабинете и плевать на все.

– Построились! Построились!

Или если Морозко вдруг схватит всех за задницу и разрисует (очень красиво) светлые окна твоего дома. На столе дымится чай с лимоном, а на улице метель и страшно воет ветер. Дома тепло, хорошо. Мажешь свежий хлеб маслом и малиновым вареньем...

– Шевелитесь мухи сонные!

...кусаешь и присербываешь горячим чаем. Скоро придет твоя хорошая подружка и ее нужно будет отогреть после такой непогоды. Потом вы нарядите елку, зажжете гирлянды и, укрывшись пуховым одеялом, посмотрите какую-нибудь сказку.

– Давай! Давай! Становись!

Это было прекрасное время.

– По-порядку, пошли!

Это было в прошлой жизни.

– Рассчитайсь!

– Первый.

– Второй.

– Третий.

В прошлой жизни мы имели личные машины и дома, а свободное время могли проводить с удовольствием.

– Восьмой.

– Девятый.

– Десятый.

И мы могли ненавидеть те моменты, за которые сейчас бы отдали все на свете.

– Двадцать второй.

– Двадцать третий.

А чего стоит горячая ванна и крепкий сон.

– Сорок восьмой.

Нормальный, спокойный сон, которого не было целую вечность.

– Семьдесят восьмой.

Или жаренные на барбекю куриные лапки с хрустящей корочкой и свежим овощным салатом.

– Сто второй, расчет окончен.

Теперь мы живем по-другому и мечтаем о прошлом. Мечтаем и помним всякий раз, как делаем новый вдох.

Меня зовут Всеволод Зайцев и это 43-ья зона.

1

Главная городская больница, больше похожая на тюрьму, теперь служит убежищем для трех сотен человек. Наспех доделанный забор – добавили два метра шлакобетона – обнесли колючей проволокой и усеяли битым стеклом. Оконные проемы преградили неровными прутьями ржавой арматуры, накрест схваченной буграми электросварки.

Добротное советское железо толстыми воротами обозначает вход и выход, а крыша здания оказалась такой себе патрульной вышкой, где в каждом углу дежурит дядя с автоматом, так что граница на надежном замке.

Весь правый сектор первого этажа забит консервами и сухими гарнирами в герметичных пластиковых коробках. Нас уверяют, что крысы их не возьмут, к тому же там везде понатыканы ультразвуковые отпугиватели.

Две мощные ВЭС украшают эту угрюмую картину, до боли напоминая благополучный флюгер – детское творчество типа: «Сделай сам» или «Очумелые ручки».

Своя скважина здесь была пробита еще с тех пор, когда со спокойной душой было можно пускать пузыри в ванной или платить налоги, что примерно то же самое. Теперь никому не надо твоя потная треть зарплаты, а лишь тот самый пот, упавший с кроткой (обязательно) головы, ибо теперь твоя зарплата это крыша над головой, сухая вредная еда и люди-хаки с АКМ через плечо.

– Так, ласточки, еще раз повторяю, никто здесь никого не держит, так что если хотите показать свой характер – вперед за ворота, на вольные хлеба, так сказать. Скатертью дорожка. Мы вам даже сухпаек сложим. Ну а кому нужна пища и кров, кому нужна защита, тот пусть будет так любезен, шевелить батонами, когда ему говорят, ибо не за красивые глазки вы здесь казенную тушенку уминаете.

Человек в униформе и «Макаровым» на боку обвел всех взглядом и продолжил:

– Нам с вами выпала великая почесть – стать основателями новой жизни, но у нас может не хватить сил и на собственную, если не будем держаться вместе. Запасы еды не бесконечны, а наши метеорологи пока не прогнозируют осадки небесной манны. Так что не кривите рожи, мы все здесь в одной упряжке.

Конечно люди кривили рожи. Продавцы, пенсионеры, бизнесмены, работяги, студенты. Казалось бы, еще вчера они могли сладко потянуться в своей постельке, громко зевнуть, потом поджарить тосты и сварить кофе, а не слушать приказные вопли здорового бритоголового сержанта. Первые несколько дней всё выполнялось безропотно, но теперь все потихоньку стали приходить в себя, осваиваться и проявляться.

– Нам нужно вспахать землю и создать огород. Огурцы, картошка, капуста.

– А если свет опять пропадет? – спросил менеджер среднего звена Кирилл.

– А если свет пропадет не просто опять, а на совсем, на веки вечные, – ответил сержант. – Так что к черту огороды и кильку в томате. Устроим здесь прощальную оргию и пустим себе по пуле в лоб.

Послышался редкий, нервный смехок.

– Кто из вас корпел над кабачками с редисом, граждане пенсионеры?

– Я корпел. – Отличился пожилой человек в очках.

– Да все мы здесь, наверное, корпели, – отличился второй, выступая вперед. – Ну, я стариков имею ввиду, конечно.

– Все знаете что делать?

– Знаем.

– Разберемся.

– Знаем. – Перемешались уверенные голоса.

– Хорошо. Тогда сейчас дружно спускаемся вниз. Сержант Науменко выдаст лопаты и семена. Каждый плод закрепим за одним хозяином, который будет ухаживать за ним от начала до конца. Мне нужно шесть человек знающих толк в земледелии.

Из строя вышло чуть больше десятка стариков. Сержант одобрительно зашагал вдоль ряда людей, указывая на них планшетом и называя судьбоносный овощ. Так пожилой человек в очках оказался свеклой. Тот, что вызвался за ним – картошкой. Дальше последовали кабачки, морковь и лук, а единственная женщина из мужской компании стала огурцом.

– Десять человек остаются наводить порядок. Остальные за мной.

Определив счастливых, он повел большую дружную команду на воздух. Пока они спускались по бетонным ступенькам, его просто засыпали вопросами:

– Товарищ сержант, а когда майору дадут список фамилий?

– Товарищ Плетнев, а это точно, что наша зона последняя?

– Ради Бога спросите майора, может у него уже есть данные?!

– А где находится ближайшая зона?

– Неужели вы никого не потеряли?

Сержант Плетнев остановился и играя желваками уставился на все скопище.

– Послушайте, если бы майор обладал информацией, вы бы уже были в курсе, разве непонятно? Все здесь разлучились с родными и близкими, но нас почти три сотни и у каждого минимум двое разыскиваются, и все это надо передать в сорок два пункта. Как вы полагаете это быстро?

– Но неужели нас никто не ищет? Неужели только мы даем запрос?

– Женщина, у нас нет компьютеров с базой данных, чтобы все сошлось в секунду. Старенькая радиосвязь со статическими помехами, по которой нужно поломать язык и посадить голос, перечисляя тысячи фамилий. Сорок три зоны, помните? Терпение господ, терпение.

– Товарищ сержант, а кто-нибудь уже пробовал покидать зону?

– Так, все! – взревел Плетнев. – Прекратите балаган! Как только станет что-нибудь известно – я вам сообщу, а сейчас за работу. Нам нужны овощи.

Бывшая гардеробная теперь служила складом для рабочего инвентаря. Все здесь теперь стало складом. Здесь хранятся грабли и цапки, там оружие, там еда, вода, лекарства, одежда и всякий хлам, а в палатах, где когда-то лежали пациенты, теперь хранится основное имущество этой богадельни – мы.

– Получайте инструменты ребята и вперед за мной. – Сказал Плетнев и подумал: «Боже, ну и сброд».

– Серега! – крикнул белобрысый высокий сержант и махнул рукой, чтобы тот подошел.

Плетнев подождал пока все, получив лопаты и семена, отойдут в сторонку, и подошел к окну.

– Серега, лук пропал, – сказал белобрысый. – Сгнил напрочь, одна слизь осталась, – и протянул ему пластмассовое ведро полное золотой шелухи и ужасной вони.

– Господин Плетнев, – сзади стояла бабушка-огурец. – А огурчики еще рановато сажать, они всходят быстро, – сказала она, как бы извиняясь.

– Вы семена получили?

– Да, да, вот, – она протянула ему бумажную упаковку.

В стороне стоял пенсионер-картошка и голодными глазами смотрел на маленькие поморщенные клубни. Если все уродит – это будет счастье.

– Идите на улицу и ждите меня там, – сказал он и снова повернулся к Науменко. Тот заполнял журнал.

– На втором этаже уже появились бунтари, похоже скоро появятся первые птицы. – Начал он.

– Из 20-ой уже выходили.

- Иди ты!? – Науменко отложил журнал.
- Да, – сказал Плетнев. – Только не гражданка. Наши выходили.
- Вот молодцы! И что?!
- Жизни нет. Разруха полная, как после войны. Повсюду трупы.

Надежда в глазах Науменко померкла. Его лицо вытянулось еще больше. Он молча ждал продолжения.

- Это все, – сказал Плетнев. – Далеко они не ходили.
- Откуда знаешь?
- Раджабов сказал. Так что пусть эти грёбаные бунтари катятся ко всем чертям.
- Ну, так мы всех потерять можем.
- Остальным надо дать, что им нужно.
- Это что же?
- Фамилии, – сказал Плетнев.

2

Густая, крошечная тьма. Слегка волнуется огонек затертой «зиппо», но он не освещает и метра. Если вытянуть руку вперед, то будет видно лишь костяшки кулака, а вот пятерня с обкусанными ногтями уже растворяется во мраке. Спокойно, ты ведь пережил это однажды, справишься и на сей раз. Главное успокоиться, унять бешеное сердцебиение. Сейчас нужно осторожно, очень медленно, чтобы ни на что не наткнуться, добраться до здания. До того как Господь выключил свет оно было справа от меня, на расстоянии пятидесяти шагов, не больше. Там вода, еда и Лина, а это все, что мне сейчас нужно. Сегодня она осталась на уборку и ей здорово повезло.

Еще там есть свечи. Конечно они ни чем не лучше моей зажигалки, но две свечи вместе куда веселее. И можно шептаться. Звуку едва до локтя хватает, не то что до костяшек, а потом он глохнет. Глохнет в этой густой темноте, словно задыхается. Вот если заткнуть уши и поговорить будет нечто похожее. Глухой одинокий звук, но можно шептаться. Мы уже делали это в прошлый раз и это самое приятное, что может быть в подобных обстоятельствах.

Два незнакомых человека в абсолютной темноте и тесной близости. Никто вас не слышит, вокруг пустота, а вы красивы, напуганы. Весь мир рухнул, тяжело дышать, вас переполняют страсти и скорей всего последний раз. И этот шепот. Какие бы серьезные вопросы вы не старались нашептать друг другу на ухо – этот волнующий интим никуда не девается.

Влажный воздух изо рта щекотно шелестит по ушам и шее. Ваши запахи. Дыхание. Волнение. Даже конец света отодвигается на задний план и невозможно не закончить все тем, к чему ведет это странное, растущее желание... если на вас не налетит паникующий идиот с глазами как у недобитого быка.

Ты падаешь, зажигалка отлетает в сторону и даже непонятно куда она упала, потому что темнота поглотила этот звук. Я остервенело бегаю ладонями по асфальту в надежде скорее найти свой карманный огонек за три доллара, но нахожу кое-что получше. Холодная кожа высокого женского сапога, который (уверен) роскошно сидит на теплой красивой ножке, по которой ты поднимаешься все выше. Это она. Та, что прерывающимся шепотом спрашивала меня что случилось. Та, которой, задыхаясь, я отвечал какую-то несусразицу.

В висках стучит, становится жарко, во рту пересохло. Я даже не знаю её имени, а она прижимается ко мне и пылко впивается в губы, но кто-то снова налетает на нас – наверное тот же придурок. Он больно бьет меня в бок и, споткнувшись, падает на неё. Я чувствую возню, он путается в ногах. Я чертовски зол и хочу разорвать его на части. Рядом лежит она и потирает себе коленку. Идиот побежал, наверное, дальше, но момент упущен – это чувствуется и в крошечной тьме.

Я говорю ей держать меня за куртку и возобновляю поиски «зиппо». Спустя целую вечность, когда к превеликой радости обоих я нашел американское огниво, мы познакомились, но уже без интима. Все, вроде, было так же и мы оба старались вернуть момент, но тщетно. Он больше не возникал. Зато вернулся страх. Настоящий страх и полное недоумение...

Воспоминания оборвались резко и довольно неприятно. Подземные толчки. Будто начались схватки у нашей голубой, круглой старушки. Очень неприятно. Словно злая, ужасающая сила норовит разорвать земную твердь изнутри.

Я пригнулся и стал наподобие борца сумо, стараясь держать равновесие, но это не особо помогало. Дрожь земли свалила меня на бок совсем недалеко от входа – я знал это по шагам.

Подо мной все трусило и ревело, и этот страшный звук не прошел мимо ушей. Потом я услышал странный глухой удар. Слабовато, но очень близко и, когда вывел огонек в ту сторону, адреналин прошел меня через все поры – здоровенная лопасть ветряной электромельницы пронзила почву в тридцати сантиметрах от меня. Совсем немного, всего лишь школьная, канцелярская линейка, всего два карандаша или кухонный нож. Вот на каком расстоянии я был от беззаботного будущего с кишками наружу.

– Эй, кто здесь?! – ах, я совсем забыл, что кричать бесполезно.

Освещая себе путь, я пошел (скорее пополз) вдоль упавшей станции, чуть не стоившей мне жизни. Там кто-то был. Короткий миг, ничтожная искорка – раз и все, – а еще так, будто... да нет, вряд ли такое бы заметил, больно густая ночь. Ого, и правда все-таки. Разводы на земле, тут что-то тащили, вон туда. Или кого-то? Следы вели в другую сторону от главного входа, к которому я шел. Может привалило кого? Та нет, наверное споткнулся просто. Может ногу подвернул и сам пополз.

Подземная буря не унималась, трусило здорово. Я прихлопнул огонек железной крышечкой зажигалки и решил подождать.

Прошлая жизнь. Все мы собрались в комнате Стаса отдельно от взрослых. Мы только освоились в школе, а на диване полно девиц постарше. У него день рождения и его родители, решив устроить праздник и себе тоже, пригласили кучу друзей с детьми. Сбившись в кучку мы пытались найти общий язык, интересные игры, но девчонки были недосыгаемы, свысока взирая на маленьких возомнивших мальчиков. Ведь они старше на пару лет, а значит на целый десяток и уже на другой планете.

Но тут, уж не помню кто, выключает, забавы ради, свет. В комнате становится абсолютно темно, и лишь щель под дверью светится из коридора. Не упуская возможности, я хватаю сидящую рядом блондинку за колено закрытое нейлоновыми, уже взрослыми, колготками. Получаю кайф, а она кричит и брыкается. Включается свет. Я сижу, как ни в чем не бывало. Всем объясняют причину крика, и в глазах загорается интерес. Свет выключают снова, и вот я хватаюсь за первый лифчик соседки, и опять слышу наигранный крик.

Когда включили свет – картина преобразилась. Девочки больше не сидят с надменными и скучными лицами – эта игра им пришлась по душе, хотя с выяснением отношений и устроили настоящий спектакль: «Кто?! Как посмел?!», а глазки то блестят, сияют.

Это была замечательная игра в пору грядущему возрасту, но на крики вскоре сбежались взрослые, и все закончилось в самом разгаре.

Подо мной ревело гигантское чудовище – мегавибромассажер самой природы. Потянуло неприятным запахом смолы и горящих тряпок. Впереди блеснул огромный всполох, прямо как в первое затмение. Здоровенная яркая вспышка на горизонте, покруче снарядов Перуна. Что она значит и откуда берется одному Богу известно, но ощущения, скажу я вам, не из приятных.

Запах гари усилился и во рту появился характерный противный привкус. Легкое мерцание размытого серого пятна на черном фоне, если можно так сказать, за полторы – две руки от меня, набирало сил. Кто-то схватил меня за плечо, и я вскрикнул. Приличное пламя факела оказалось чуть ли не у носа. Сержант Науменко уставился на меня глазами безумца. Горячий дымок любовно изучал мое лицо, давая понять, что же так воняло плохой экологией.

– Как тебя? Э-э..., Владлен?

– Всеволод, – ответил я. – Пора бы и запомнить.

«Массажер» снижал обороты, дрожь чуть поутихла.

– Ну и погодка, а? – дурацкая улыбка и плохие зубы. Видно даже при плохом освещении.

– Знаете, я единственный стоматолог живущий здесь, – не удержался я.

– Чего?!

Но это нормально. Странное поведение и эти... опять начались. Эти глюки. Сизые лица летают в пространстве, зеленые круги, мертвые птицы. Я закрыл глаза и поморщился. Эти глюки ужасная штука, они сводят с ума, нагоняют жути до пота. Науменко что-то кричит мне на ухо, какую-то чушь, мне плевать, поскорее бы дали свет.

Нас было четверо, там под аптекой. Лина послушалась моего совета и не открывала глаз, а те двое... я не знаю, что с ними стало, помню лишь их сдавленный ночью вопль. Оба они убежали, исчезли. Эта тьма рождает действительно страшные видения. Страх вместе с ними летает в воздухе, воняет безумством.

Нет, воняет гарью.

– Эй, уберите это от меня подальше, – я отодвинул его факел в сторону.

Землетрясение почти остыло.

– Похоже, трясучка кончается, – заорал он мне на ухо.

Я опять вспомнил жаркий шепот Лины.

Резко он вывел огонь вперед, потом влево. Прокричал что-то похожее на: «А черт!» и зажмурился. Наверное, и ему явились призраки, но он не разомкнет очей своих без нужды, никто здесь не разомкнет, потому что живы, а живы, потому что справились в прошлый раз и знают что делать. Лучше закрыть глаза и переждать. Прочитать молитву, какую знаете и твердить себе, что это лишь кажется, только и всего.

Но еще есть запахи. Они врываются в ноздри совершенно разным букетом и почти всегда зловонным, а не дышать, знаете ли, проблемка. Хорошо, что хоть звук отсутствует, а то если бы к болотному чаду и корявой уродливой роже прилагался истерический зловещий хохот, то навряд ли получилось бы спастись. От паники не убежать и не скрыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.